

Козлов Александр Петрович

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КРИЗИС 1927/28 Г. В КАЗАХСТАНЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается кризис хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. в Казахстане. Автор анализирует причины кризиса и способы его преодоления, приведшие к серьезным социальным катаклизмам в ауле и деревне Казахстана. По мнению автора, хлебозаготовительный кризис, начавшийся по целому ряду объективных и субъективных факторов с территории Сибири и Казахстана, стал главной причиной резкого поворота в аграрном секторе экономики в конце 1920-х гг., выразившегося в устранении мелкотоварного производства и переходе к сплошной коллективизации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 56-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

IMPACT OF PARTY LEGISLATION AND ELECTIONS LEGISLATION ON POLITICAL PARTIES STATUS IN REGION

Kichigin Grigorii Evgen'evich
Saratov State Juridical Academy
gri12388@yandex.ru

The author represents the correlation between the legal and factual statuses of a political party by the analysis of its functioning in the constituent entities of the Russian Federation, and showing the impact of statuses non-compliance on the party activity, paying attention to its formation as a result of the reform in party legislation and legislation on elections carried out in the 2000s, comes to the conclusion that the current status imbalance strategically-adversely affects the activity of parties and has a negative impact on the performance of functions.

Key words and phrases: political party; party legislation; legislation on elections; factual status of political party; legal status of political party; regional political process.

УДК 94(47)+338

Исторические науки и археология

В статье рассматривается кризис хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. в Казахстане. Автор анализирует причины кризиса и способы его преодоления, приведшие к серьезным социальным катаклизмам в ауле и деревне Казахстана. По мнению автора, хлебозаготовительный кризис, начавшийся по целому ряду объективных и субъективных факторов с территории Сибири и Казахстана, стал главной причиной резкого поворота в аграрном секторе экономики в конце 1920-х гг., выразившегося в устранении мелкотоварного производства и переходе к сплошной коллективизации.

Ключевые слова и фразы: коллективизация; мелкотоварное производство; нэп; хлебозаготовительный кризис; чрезвычайные меры.

Козлов Александр Петрович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
petrovich138@yandex.ru

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КРИЗИС 1927/28 Г. В КАЗАХСТАНЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ®

В современной историографии своеобразной прелюдией сплошной коллективизации считается хлебозаготовительный кризис 1927/28 г., который имел как объективные, так и субъективные причины. Первые были связаны с несбалансированностью развития промышленности и сельского хозяйства, низкой товарностью аграрного сектора экономики, неурожаем зерновых в ряде регионов страны и т.д., вторые – с особенностями аграрной политики партии и государства в конце 1920-х гг. и предлагаемыми способами преодоления возникшего кризиса [4, с. 30-31; 7, с. 14; 13, с. 99].

Кризис, как известно, начался с территории Сибири и зерновых районов Казахстана, где были впервые опробованы «новые» методы хлебозаготовок, сопровождавшиеся применением уголовного законодательства в отношении крестьян, не желающих продавать хлеб государству по закупочным ценам.

Ситуация была достаточно сложной. Не случайно, что с необходимостью введения чрезвычайных мер в 1928 г. согласилось партийное руководство в целом, в том числе Бухарин, Рыков, Томский, хотя объяснение причин кризиса сбыта и масштабов применения чрезвычайных мер у сторонников Сталина и так называемых «правых» было различным. Сталин и его окружение объясняли возникший кризис выступлением капиталистических элементов деревни против Советской власти – «кулацкой стачкой». Они предложили довольно простую и конкретную формулу преодоления кризиса: «потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам», а в случае отказа – «привлечь их к судебной ответственности по 107 статье Уголовного Кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства» [17, с. 5].

«Правые», в отличие от Сталина, основной причиной кризиса хлебозаготовительной кампании считали ошибки планового руководства, приведшие к нарушению баланса между спросом и предложением на промышленные товары и крупным диспропорциям в соотношении цен на хлеб и другие продукты сельскохозяйственного производства, которые делали невыгодным для крестьян сдачу государству зерна по закупочным ценам. Конечно, «правые» понимали, что в отдельных случаях «экстраординарных мер» не избежать, но при этом требовали от «нужной, экономически обоснованной и рациональной формы более или менее прямых методов воздействия на крестьянское хозяйство» отделить «чрезвычайщину», опирающуюся на открытое насилие и произвол [2, с. 287-288].

Предложенные Н. И. Бухариным и его сторонниками методы выхода из кризиса на основе сохранения принципов нэпа, как известно, были отвергнуты. В решении хлебной проблемы сталинским руководством был взят курс на применение чрезвычайных мер внеэкономического характера, которые были прямым нарушением основ рыночной экономики, возвращением к продрозверсточным методам периода «военного коммунизма».

Исследование нэпа на уровне Казахстана показывает, что его успехи в реальности были весьма относительными [9]. Достаточно высокие темпы прироста посевных площадей и увеличения поголовья скота, наблюдавшиеся в этот период, достигались главным образом за счет продолжавшегося восстановительного процесса. Восстановление посевных площадей в Казахстане было завершено лишь в 1928 г. [19, с.105].

По мере того как уменьшались резервы восстановительного периода, происходило снижение темпов развития сельского хозяйства Казахстана. Годовой прирост посевных площадей составил в 1926 г. 17,0%, в 1927 г. – 10,7%, в 1928 г. – 5,4%, в 1929 г. – 4,0% [12, с. 110-119]. Аналогичные процессы происходили и в животноводстве. Темпы увеличения поголовья скота в 1926 г. по отношению к 1925 г. составляли 21%, в 1927 г. по отношению к 1926 г. – 8,0%, в 1928 г. по отношению к 1927 г. – 5,5%, в 1929 г. по отношению к 1928 г. – 5,6% [21, д. 242, л. 102].

Основным производителем сельскохозяйственной продукции по-прежнему оставались крестьяне-единоличники. В их пользовании находилось более 90% посевных площадей и подавляющая часть поголовья скота. На долю индивидуального сектора приходилось 89,5% стоимости всей валовой и 91,1% товарной продукции сельского хозяйства Казахстана [6, с. 168].

В Казахстане с самого начала хлебозаготовительного кризиса партийное руководство республики стало послушным исполнителем воли сталинского ЦК. На места за подписью Казкрайкома последовали директивы с требованием выполнения планов хлебозаготовок любой ценой. Ситуация усугублялась тем, что 1927 г. оказался для Казахстана неурожайным. Урожайность хлеба не превышала в среднем 20 пудов с десятины, тогда как, например, в 1926 г. она равнялась 46 пудам [5, д. 343, л. 11-12].

Хлебозаготовки шли медленно. К 1 января 1928 г. в Кустанайском округе было заготовлено 37,3% [18, с. 126-127], а в Акмолинской губернии – 38,4% годового плана зерна [14, д. 184, л. 46-47]. В целом по зерновым районам Казахстана в 1927/28 хозяйственном году было заготовлено около 233 тыс. тонн зерна, тогда как в 1926/27 хозяйственном году объем хлебозаготовок составлял 493,4 тыс. тонн [16, с. 37].

Медленные темпы хлебозаготовительной кампании были обусловлены целым комплексом причин: низкий урожай зерновых в Казахстане в 1927 г.; слухи о грозящей военной угрозе СССР со стороны капиталистических стран, толкавшие сельское население к образованию хлебных запасов «на случай войны»; отсутствие ясности на урожай будущего года, так как повторяемость неурожайных лет являлась одной из основных особенностей земледелия в Казахстане; низкие заготовительные цены на хлеб, вынуждавшие крестьян придержать хлеб в надежде на повышение цен к весне и др.

Основными закупочными организациями хлеба в Казахстане являлись Хлебопродукт, Казхлеб, Райсоюз и Селькредитсоюз. Конкуренция между этими организациями в процессе хлебозаготовок привела к некоторому повышению закупочных цен на зерно. Закупочная цена на пшеницу, к примеру, возросла с 6,10 рублей до 6,29 рублей за 1 пуд. Более высокими были цены частного рынка, превышающие государственные и кооперативные в среднем на 10-15 копеек за пуд, но прибивающие за хлебом обозы с Урала и Сибири платили больше: до 7,50 рублей за пуд пшеницы [5, д. 343, л. 14].

Не менее серьезной проблемой являлся «товарный голод». К примеру, Кустанайский окрисполком отмечал «катастрофический недостаток» промышленного и продовольственного ассортимента товаров в регионе. Для «относительно нормального покрытия крестьянского спроса» во втором квартале 1927/28 хозяйственного года руководство округа указывало на острую необходимость ввоза «мануфактуры, сортового железа, кровельного железа, кожтоваров, оконного стекла, чая» и других товаров [Там же, л. 15].

В условиях наметившегося в январе 1928 г. срыва плана хлебозаготовок был взят курс на применение чрезвычайных мер. Свободная продажа на рынке была объявлена спекуляцией, а отказ сдавать хлеб по закупочной цене – «саботажем хлебозаготовок», за которые крестьяне привлекались к административной и уголовной ответственности. На местах стали активно применять антирыночное законодательство. Так, например, 7 января 1928 г. Кустанайский окружком «в целях осуществления планомерного регулирования хлебного рынка и прекращения развивающейся спекуляции» принял специальное постановление «О борьбе со спекуляцией хлебом». Постановление запрещало частным лицам заготовку хлеба в округе без разрешения Окторга. Торговля хлебом разрешалась только на официальных городских рынках, в специально отведенных для этих целей местах. При этом до 13 часов покупку хлеба могли производить лишь государственные и кооперативные заготовительные организации. В оставшееся время к закупке зерна допускались другие организации и частные лица, имеющие на это специальное разрешение. Нарушителей наказывали штрафом в размере 100 рублей или принудительными работами сроком от 2 недель до 1 месяца [14, д. 184, л. 46].

Планы поставок хлеба государству постоянно росли. К примеру, состоявшийся в августе 1928 г. объединенный пленум Кустанайского ОК и ОКК ВКП(б) определил план хлебозаготовок в 6 100 тыс. пудов, что было почти в 2 раза выше плана 1927 г. и значительно превосходило реальные возможности крестьянства. Вместе с тем и этот явно завышенный план хлебозаготовок был признан недостаточным и согласно распоряжению Казнаркомторга увеличен до 7 500 тыс. пудов [Там же, л. 47].

Следует отметить, что многие местные партийные и советские работники, воспитанные на принципах хозяйствования, сложившихся в период нэпа, считали применение чрезвычайных мер ошибкой и требовали их отмены. Но любые попытки противостоять «чрезвычайщине» квалифицировались республиканскими партийными органами однозначно – как «проявление правого оппортунизма», как «отклонение от генеральной

линии ЦК ВКП(б)» [Там же, д. 104, л. 8, д. 184, л. 47]. По сводке Кустанайского окружкома ВКП(б) в 1928 г. за «недопонимание сущности проводимых кампаний» и «отказ от работы по хлебозаготовкам» к разным видам ответственности в округе было привлечено 207 членов и 27 кандидатов в члены ВКП(б) [Там же, д. 184, л. 47].

Чрезвычайные меры, начавшиеся в 1928 г., с неизбежностью повторились в 1929 г. К очередной хлебозаготовительной кампании власти подошли еще более организованно. По распоряжению окружкомов в районах стали создаваться оперативные тройки, на которые возлагалась вся полнота ответственности по организации и проведению хлебозаготовок [Там же, д. 39, л. 104].

Основная тяжесть хлебозаготовок ложилась на зажиточные слои деревни. «Кулацкие» хозяйства подлежали индивидуальному налогообложению, изымавшему не только товарные излишки хлеба, но и значительную часть семенного фонда, на их долю приходилось не менее 40% общей суммы сельскохозяйственного налога, возлагавшегося на индивидуальный сектор [15, с. 48]. Зажиточные хозяйства, как могли, сопротивлялись подворному обложению, так как выполнение установленных размеров налога грозило им полным разорением. Пытаясь избавиться от «индивидуального налогообложения», кулацкие хозяйства переселялись в другие места, сокращали свои хозяйства и размеры производства [14, д. 104, л. 68]. Так как основная масса хлеба находилась в руках середняков, то нередко и они подвергались давлению. Имели место случаи принуждения середняков и даже бедняков к сдаче всего валового сбора хлеба с обещанием последующего удовлетворения их нужд за счет государства.

Летом и осенью 1929 г. применение против крестьянства репрессивных мер, которые стали рассматриваться как «стимул» для ускорения темпов хлебозаготовок, достигло своей кульминации. Репрессии стали активно использоваться для решения сугубо хозяйственных задач. В июне 1929 г. на закрытом заседании бюро Петропавловского окружкома партии было принято решение об организации в каждом районе под руководством членов бюро трех-четырёх судебно-показательных процессов против кулаков, с привлечением их по 107 и 61 статьям Уголовного кодекса РСФСР [Там же, д. 205, л. 4].

Первый секретарь Казкрайкома Ф. И. Голощекин даже и не пытался скрывать применения против крестьянства карательных мер, заявляя прямо, что «на кулацкую стачку по хлебозаготовкам мы ответим применением 107 статьи» [3, с. 142].

В ходе последующих хлебозаготовительных кампаний (1928/29 и 1929/30 гг.) только по трем округам Казахстана – Акмолинский, Семипалатинский, Петропавловский – за счет «кулаков» было выполнено 31,5% плана хлебозаготовок. При этом было привлечено к уголовной ответственности по 107 и 61 статьям Уголовного кодекса РСФСР 34 120 человек, у которых было конфисковано 534 000 голов скота, 631 025 пудов хлеба, 258 домов и хозяйственных построек и т.п. в общей стоимости на сумму 23 917 260 рублей [11, с. 68].

Для проведения непопулярной аграрной политики государство должно было заручиться определенной социальной опорой. Если в 1920-е гг. для этих целей активно использовался национальный фактор (перераспределение в пользу коренного населения земельных угодий), то теперь на вооружение был взят классовый принцип [8]. Социальной базой экспроприаций, проводившихся с конца 1920-х гг., стали беднейшие слои крестьянства. Активисты, участвовавшие в хлебозаготовках, получали до 25% конфискованного у кулаков зерна, инвентаря и иного имущества [14, д. 104, л. 70].

Источники содержат факты массового произвола и нарушения норм элементарной законности, допускавшихся в ходе хлебозаготовок. Вопиющие случаи массовых издевательств над крестьянами во время проведения хлебозаготовок зафиксированы в Азатском районе Акмолинского округа. Отказывавшихся сдавать хлеб крестьян били, обливали холодной водой, угрожали расстрелом [Там же, д. 1205, л. 7].

Применение чрезвычайных мер вызвало волну массовых возмущений крестьянства. Широко распространенным в крестьянской среде стал характерный для периода «военного коммунизма» лозунг – «Советы без коммунистов». Крестьяне требовали свободы образования политических партий, в том числе Крестьянского союза, тайного голосования при выборах в Советы, пропорционального представительства в Советах рабочих и крестьян, выступали против деления деревни на бедняков и середняков. «Царское правительство держалось на обострении национальной розни, а советская власть на обострении классовых сил в деревне... крестьян нужно делить не на кулаков, середняков и бедноту, а на трудовиков-кулаков, середняков и лодырей – бедноту», – заявляли крестьяне [Там же, д. 184, л. 13-14].

Из экономических лозунгов наиболее популярными были следующие: «Долой монополию внешней торговли»; «Свобода частной торговле»; «Снижение цен на промышленные товары и повышение закупочных цен на хлеб»; «Отмена государственных хлебозаготовок»; «Отмена существующей системы сельскохозяйственного налога»; «Запрещение самообложения и принудительных займов»; «Предоставление равных прав для всех слоев крестьянства при распределении кредитов»; «Долой колхозы» и др. [Там же, л. 14-17].

Чрезвычайные меры привели к обострению борьбы в деревне, хотя в целом крестьянское противостояние произволу властей было стихийным. Чаще всего накопившийся гнев крестьян обрушивался против «активистов» и уполномоченных по хлебозаготовкам. Довольно распространенными были также факты выступления крестьянства против колхозов. В Пролетарском районе Акмолинского округа был сожжен необмолоченный колхозный хлеб. Пострадавшие от хлебозаготовок крестьяне села Кременчугское Красноармейского района Петропавловского округа загнали большое стадо скота на поле показательного участка сельхозартели «Луч», что привело к гибели посева [Там же, л. 18]. Колхозы в глазах основной крестьянской массы деревни и аула воспринимались как своеобразное орудие проведения непопулярных в деревенской среде антирыночных правительственных решений. К тому же значительное число колхозов создавалось на базе конфискованного имущества, скота и инвентаря зажиточных крестьян.

В отдельных регионах Казахстана вспыхнули вооруженные столкновения крестьян с органами Советской власти. Крупное выступление крестьян произошло в октябре 1929 г. в Бетбакаринском районе Кустанайского округа. Выступления крестьян достигли значительного размаха. Восставшие (около 400 человек) захватили районный центр, убили председателя райисполкома, ранили его заместителя, избили районных работников, сожгли документы райисполкомов, народного суда, разгромили помещение райисполкома, РК ВКП(б), РК ВЛКСМ и союза Кошчи. Выступление носило стихийный характер и вскоре переросло в грабежи магазинов и складов. Нанесенный материальный ущерб в общей сложности оценивался в 200 000 рублей. Разумеется, что восстание было жестоко подавлено. Его организаторы и активные участники были арестованы и осуждены [20, д. 159, л. 15-38].

Крестьянское сопротивление хлебозаготовкам в Казахстане было достаточно масштабным. Только по официальным данным в 1929 г. в Казахстане действовало 31 «бандформирование» [1, с. 55].

Чрезвычайные меры не принесли и не могли принести желаемых результатов. Несмотря на усиление репрессий против индивидуального крестьянства, размеры заготовки хлеба с каждым годом падали. Производство зерновых становилось для крестьян все более невыгодным. Запрещение свободы торговли и установление низких закупочных цен на хлеб лишало крестьянские хозяйства стимулов к росту производительности. Крупные крестьянские хозяйства «самоликвидировались». Середняки из-за боязни попасть в разряд кулаков, которым государство почти открыто угрожало ликвидацией, также не спешили расширять производство. Уже весной 1928 г. началось резкое сокращение посевных площадей, особенно в зажиточных хозяйствах [19, с. 115].

Очевидно, следует согласиться с мнением американского историка Стивена Козна о том, что заготовительная кампания «имела и другие неожиданные и далеко идущие последствия. Впервые после провозглашения нэпа государство оспорило право крестьян распоряжаться хлебными излишками по своему усмотрению. Это... подорвало веру крестьян в то, что правительство будет обходиться с ними по справедливости, и, таким образом, осложнило восстановление нормальных рыночных отношений и затруднило свободный приток зерна... усилилась склонность к вне рыночным отношениям и даже насильственным методам решения зерновой проблемы». По мнению Стивена Козна, введенные в 1928 г. чрезвычайные меры никогда не прекращались, «они ширились из месяца в месяц и в результате превратились в особую систему хлебозаготовок, которая возмутила деревню и привела к концу 1929 г. к открытому столкновению между крестьянством и государством» [10, с. 341].

В результате государство оказалось в состоянии войны с крестьянством в крестьянской стране, противопоставив себя тем самым основной массе населения. Конечно, такое положение долго продолжаться не могло. В стране возник глубокий социально-экономический кризис.

Однако, наряду с обострением ситуации на селе, обусловленным применением чрезвычайных мер, опыт хлебозаготовок показал и другое: колхозы сдавали хлеб более организованно, без задержек, при необходимости на них было проще «надавить».

Так в ходе хлебозаготовительного кризиса стихийно возникла идея сплошной коллективизации. В колхозах увидели удобную форму организации сбора хлеба, послушных поставщиков «товарного» зерна. По-видимому, не случайно именно после хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. начинается активная деятельность по «организации» колхозов, которая вскоре превращается в стратегическую линию аграрной политики партии. Коллективизация при этом стала трактоваться не как самостоятельная задача, а как средство решения зерновой проблемы, как форма перекачки средств из фонда потребления сельского населения в фонд промышленного накопления.

Список литературы

1. Абылхожин Ж., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С 51-59.
2. Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. 512 с.
3. Голощекин Ф. И. Партийная организация в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата и социалистическое строительство в Казахстане (1927-1929 гг.) // Партийное строительство в Казахстане: сборник речей и статей (1925-1930 гг.). М. – Алма-Ата: Государственное издательство РСФСР, 1930. С. 139-149.
4. Гончарова И. В. Ликвидация рыночных отношений в деревне и хлебозаготовительная кампания 1927/1928 г. (по материалам Орловской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9). Ч. III. С. 30-34.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 123.
6. Дахшлейгер Г. Ф., Нурпенсов К. Н. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. 247 с.
7. Ильиних В. А. Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 343 с.
8. Козлов А. П. Аграрные преобразования в Казахстане в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 116-119.
9. Козлов А. П. Эволюция социальных отношений в переселенческой деревне и ауле Казахстана в годы нэпа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30). Ч. I. С. 94-97.
10. Козн С. Бухарин: политическая биография: 1888-1938 / пер. с англ.; общ. ред., послесл. и коммент. И. Е. Горелова. М.: Прогресс, 1988. 574 с.
11. Материалы к отчету Казахского Краевого Комитета ВКП(б) VII Всеказахстанской партконференции. Алма-Ата: Казкрайком ВКП(б), 1930. 72 с.
12. Обзор народного хозяйства Казахской ССР. 1925 г. Самара: ЦСУ Каз АССР, 1927. 600 с.
13. Роголина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX в. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25.
15. Самсонов В. К. К итогам кампании по сельскохозяйственному налогу // Народное хозяйство Казахстана. 1929. № 10-12. С. 41-49.
16. Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год) / под ред. Ф. В. Попова. М.: Переселенческий комитет, 1930. 192 с.
17. Сталин И. В. О хлебоготовках и перспективах развития сельского хозяйства: из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. // Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С. 1-9.
18. Станкеев А. Г. Кустанайский округ за последние два года // Народное хозяйство Казахстана, 1929. № 4-5. С. 123-129.
19. Цветницкая Н. Б. Посевная площадь по Казахской АССР за 1927-1929 годы // Народное хозяйство Казахстана, 1930. № 1-2. С. 100-117.
20. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 229. Оп. 3.
21. ЦГА РК. Ф. 247. Оп. 1.

GRAIN PROCUREMENT CRISIS OF 1927/28 IN KAZAKHSTAN AND ITS CONSEQUENCES

Kozlov Aleksandr Petrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
St. Petersburg State University of Service and Economics
petrovich138@yandex.ru

The author considers the grain procurement crisis campaign of 1927/28 in Kazakhstan, analyzes the reasons of the crisis and the ways of its overcoming, which led to serious social cataclysms in Kazakhstan aul and village, and substantiates that grain procurement crisis, which began on a number of objective and subjective factors from the territory of Siberia and Kazakhstan, became the main reason of the sharp turn in the agricultural sector of the economy at the end of the 1920s, which found expression in the elimination of small-scale production and the transition to total collectivization.

Key words and phrases: collectivization; small-scale production; NEP; grain procurement crisis; emergency measures.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье представлен анализ проблемы преемственности системы самоуправления Запорожской Сечи от этноса или этносов, которые могли быть прародителями казачества. Автор рассматривает основные группы теорий происхождения казачества; устанавливает народы, проживавшие на территории Запорожья в обозримой истории; определяет этносы, которые могли быть наиболее вероятными прародителями казачества, и рассматривает их системы управления, делая выводы о сходстве этих систем управления с системой самоуправления Запорожской Сечи.

Ключевые слова и фразы: казачество; Запорожская Сечь; атаман; этнос; теории происхождения казачества; самоуправление.

Кондрико Андрей Васильевич

Московский государственный университет приборостроения и информатики
Kafedraup-4@bk.ru; rudra05@yandex.ru

ВОПРОС ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СИСТЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ[©]

Несмотря на все сложности, вопрос о происхождении казачества имеет важное значение для установления факта возможного существования преемственности казачьей системы самоуправления, а в нашем случае – преемственности системы самоуправления Запорожской Сечи от этноса или этносов, которые могли быть прародителями казачества. Подобное исследование может позволить сделать выводы о гибкости запорожской системы самоуправления, о ее живучести, способности к адаптации в новых условиях существования и т.п. Кроме того, это, возможно, даст повод по-новому взглянуть на систему самоуправления Запорожской Сечи и казачества в целом, изменить сложившееся отношение к этому вопросу, объяснить некоторые стороны взаимоотношений Запорожской Сечи с правительством России и других стран.

Анализ работ, посвященных историографии вопроса о происхождении казачества, позволяет выявить основные группы теорий о происхождении казачества.

По мнению А. В. Сопова, господствующими в настоящее время в общественном представлении и в научной литературе можно считать две противоположные теории происхождения казачества: «казенную» и теорию представителей «казачьей науки» и «вольноказачьего движения» [14, с. 229-233]. Им выделяется и довольно